

РОССИЯ - ВОСТОК

РОССИЯ - ИНДОНЕЗИЯ: «ПРИЛИВЫ И ОТЛИВЫ»

А.Ю. ДРУГОВ

Доктор политических наук

Ине будем абсолютизировать то обстоятельство, что на первый план с той или иной стороны, в тот или иной момент выступали господствующие в двух странах идеологии. В конце концов государственные идеологии суть некое обобщение государственного интереса, принимаемого в качестве национального.

В последние 4 десятилетия обрела хождение фраза, что отношения между нашими двумя странами «переживали подъемы и спады». (На индонезийском языке это звучит не только более поэтично - «приливы и отливы», но и по-своему более точно, отражая поведение моря как постоянно присутствующего субъекта, подчиняющегося объективным законам и процессам.)

МЕЖДУ ДВУМЯ СВЕРХДЕРЖАВАМИ

Когда индонезийцы, как и народы других колоний, обрели независимость после Второй мировой войны, они, по словам первого президента страны доктора Сукарно, были уверены, что ступают на «золотой мост», ведущий к равенству и процветанию внутри страны и ее достойному и равноправному положению на мировой арене.

Эта уверенность очень скоро разбилась о суровую реальность - мир оказался разделенным на два лагеря, взаимная враждебность которых была неким сплавом идеологии и геополитики. Новые страны Востока вступали в этот мир не столько как равноправные субъекты международного общения, сколько как объекты борьбы двух блоков за влияние.

Положение Советского Союза в определенном смысле имело существенные преимущества. Не будучи колониальной державой и

В феврале 2010 г. исполнится 60 лет со времени установления дипломатических отношений между нашей страной и Индонезией, ныне четвертым по численности населения государством в мире. Отмечая подобные даты, принято обращаться по преимуществу к сфере эмоциональной, делая упор на многолетние традиции, исконные чувства дружбы и уважения и т.п. Но если оставить в стороне эту, несомненно, важную сторону наших отношений с Индонезией, и обратиться к корням этих традиций и чувств, то обнаруживаются сходство, близость или даже совпадение национальных интересов или хотя бы их видения.

выступая в соответствии с государственной идеологией и политической доктриной против империализма и колониализма, советская страна могла безоговорочно поддерживать освобождающиеся нации и народы в их противостоянии с бывшими колонизаторами, которые одновременно в большинстве своем были оппонентами СССР в начавшейся холодной войне.

Вашингтон находился в более сложном положении: в своих антиколониальных эскападах администрация США была ограничена, в частности, союзническими отношениями с недавними колонизаторами. Кроме того, на Востоке не без оснований подозревали, что американцы намерены занять место старых «хозяев».

Но и в положении Советского Союза были, по крайней мере, два уязвимых места - наступательность официальной идеологии, которая в ее социальном и философском аспектах с подозрительностью воспринималась как в патриархально-религиозных кругах, составлявших влиятельную и наиболее многочисленную часть населения бывших колоний, так и в очень узком слое вестернизированной элиты, а также неспособность реально конкурировать с Западом в предоставлении экономической помощи новым странам.

В применении к Индонезии отметим, что Советский Союз через своих представителей в ООН неизменно выступал в поддержку индонезийского республиканского правительства, которое в 1945-1949 гг. вело антиколониальную войну против Нидерландов. Вместе с тем, в первые годы существования Республики отношение индонезийских лидеров к развитию связей с СССР было неоднозначным. Следует согласиться с мнением профессора Л.М.Ефимовой, которая отмечает, что правительство Индонезии занимало весьма осторожную позицию в этом вопросе, боясь повредить контактам с США и Англией, на помощь которых в противоборстве с Голландией оно рассчитывало¹.

В советском руководстве к этому времени уже созрело понимание, что послевоенная волна социалистических революций и в Европе, и в Азии миновала свой пик и Советскому Союзу на Востоке придется в большинстве случаев иметь дело с национально-буржуазными режимами. Когда 27 декабря 1949 г. Индонезия и Голландия достигли соглашения о создании независимого государства Соединенные Штаты Индонезии, правительство СССР по-

**Дружба, скрепленная вручением
высоких индонезийских орденов:
Ю.А.Гагарин, Н.С.Хрущев, А.Сукарно,
Л.И.Брежнев. Москва, 1961 г.**

сле недолгих колебаний 25 января 1950 г. признало новое государство.

Об этом свидетельствуют и рекомендации И.В.Сталина новому руководству Коммунистической партии Индонезии, направленные в январе 1951 г. Ключевым моментом в них был совет отказаться от левой фразы и повернуться «в сторону практической, молекулярной, «грязной» работы по вопросам повседневных нужд рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции»². Видимо, советское руководство пришло к выводу: если не лично Сукарно, то, во всяком случае, руководство националистического движения, которое он олицетворяет, укрепилось в Индонезии всерьез и надолго.

В руководстве Индонезии после ухода в отставку в 1952 г. кабинета правомусульманского лидера Сукимана Вирьосанджой, пытавшегося заключить соглашение о взаимном обеспечении безопасности с США, наметился сдвиг в сторону отчетливо выраженной национально-державной ориентированности в политике, уходящей корнями в глубь истории средневековых государств на территории архипелага. Отсюда - все более отчетливое стремление наиболее влиятельных слоев индонезийской элиты дистанциро-

ваться от блоков великих держав, которое совпадало с настроениями более широких слоев населения. В заявлении кабинета, пришедшего к власти в мае 1952 г., указывалось, что «в вопросах, касающихся противоречий между блоками, ... правительство оставляет за собой свободу действий, принимая во внимание 1) свою точку зрения на цели Индонезии как добросовестного и последовательного члена ООН и 2) государственные и национальные интересы как в ближайшей, так и в более отдаленной перспективе»³.

Этот курс, получивший в Индонезии название активной и независимой внешней политики, предполагал отказ от оборонительных договоров с государствами, входившими в военные блоки, и одновременно максимальное использование противоречий между Вашингтоном и Москвой и военными блоками в целом. Кроме того, как откровенно писал тогда вице-президент Индонезии М.Хатта, «политика, которая привела бы к присоединению Индонезии к одному из блоков, осложнила бы внутреннюю ситуацию и помешала бы консолидации сил в стране»⁴. Под сильным нажимом индонезийского парламента в конце 1953 - начале 1954 г. состоялся обмен посольствами между Индонезией и СССР.

Таким образом, середина 1950-х гг. не только вбирает в себя рубежные, знаковые события в отношениях между СССР и Индонезией, но и отражает опреде-

ленные качественные сдвиги в политическом мышлении лидеров двух стран. Для советских руководителей постсталинской эпохи это означало закрепление ростков большего идейного и политического плюрализма в формировании и осуществлении отношений с внешним миром в целом и освободившимися нациями, в частности.

Концепция мирного сосуществования государств с различным социальным строем, которая становится теоретической базой внешней политики СССР, органично сочеталась с помощью новым государствам в борьбе за равноправное положение на мировой арене и преодоление пережитков колониального прошлого в отношениях с бывшими метрополиями. В этой ситуации Азия, Африка и Латинская Америка стали ареной борьбы между блоками - политической, экономической и, косвенно, в некоторых случаях - военной. Не отказываясь от видения социализма и коммунизма как общего будущего всего человечества и международного коммунистического движения и социалистического лагеря как авангарда и оплота мира и прогресса, теоретики КПСС приходят постепенно к выводу о множественности форм путей перехода к бесклассовому обществу. Этот подход (вскоре он породит, в частности, концепцию некапиталистического пути развития новых государств) был призван открыть большую идеологическую свободу в сотрудничестве со странами вне социалистического лагеря, расширить пределы этого сотрудничества.

В среде индонезийских лидеров, в их радикально националистическом крыле во главе с Сукарно, в этот же период утверждается видение своей страны как одного из лидеров и архитекторов того сообщества стран Востока, которое вскоре получит название «третьего мира», а Сукарно назовет «новыми нарождающимися силами». Президент Индонезии одержал крупнейшую политическую победу, став одним из главных идеологов конференции государств Азии и Африки, проходившей в апреле 1955 г. в индонезийском городе Бандунге. Эта конференция как бы конституи-

ривала освободившиеся государства Азии и Африки в качестве суверенных субъектов мировой политики. На ней были одобрены 10 принципов мирного сосуществования стран с различными социальными системами. Бандунг таким образом стал своего рода предтечей конференции европейских государств в Хельсинки в 1975 г.

Советское руководство признало эту реальность раньше, чем Запад. В адрес Бандунгской конференции были направлены приветственные послания председателей президиума Верховного Совета СССР и Верховных советов Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана.

В Вашингтоне же, внешнюю политику которого во многом определял государственный секретарь Дж.Ф.Даллес, отличавшийся черно-белым видением мира, попытки стран Азии и Африки дистанцироваться от обоих лагерей холодной войны рассматривались им как переход на сторону врагов США. На деле же прав был видный отечественный индо-

тался убедить вашингтонскую элиту в том, что его антиколониализм и антиимпериализм не равнозначны антиамериканизму и прокоммунистической ориентации (и это была сущая правда). Тщетно.

Прием, оказанный главе индонезийского государства в Москве, был полной противоположностью. Сукарно чувствовали «по высшему разряду», не скупясь на знаки уважения к нему лично и его стране, дав возможность объехать чуть ли не половину СССР и, что для него было особенно важно, неоднократно выступить перед массовыми аудиториями. В известном смысле, 1956 год был переломным в отношениях СССР и Индонезии. Обе стороны нашли свое место в интересах партнера и место парт-

После кровавого путча, унесшего жизни сотен тысяч индонезийских коммунистов, Сукарто балансировал в отношениях с СССР на тонкой грани между антикоммунизмом и прагматизмом. Ружье у него всегда было под рукой.

связывало руки ее союзникам по НАТО в случае разрастания конфликта. Вашингтон избрал для себя заведомо проигрышный вариант. Непрестанно обвиняя Сукарно в скатывании к коммунизму, американцы совершили роковую ошибку, поддержав вместе с Англией сепаратистские выступления на Суматре и Сулавеси в 1957-1958 гг. Как и практически в любой другой стране, покушение на ее территориальную целостность - смертный грех в глазах огромного большинства индонезийцев, независимо от их политической ориентации. Уже в середине 1990-х гг. один индонезийский дипломат сказал в разговоре с автором этих строк: «Запомните мои слова: ни индонезийские вооруженные силы, ни все индонезийцы никогда не забудут, что США пытались способствовать расчленению Индонезии». (Характерно, что сам мой собеседник в те далекие времена вряд ли вышел из младенческого возраста.)

В этих условиях правительство Индонезии обратилось за помощью к Москве. 5 января 1958 г. индонезийской стороне было сообщено, что Советский Союз солидаризируется с борьбой индонезийского народа за воссоединение с Западным Ирианом и Советское правительство готово благоприятно рассмотреть конкретные предложения о закупке в

БАНДУНГ - ПРЕДТЕЧА КОНЦЕПЦИИ «МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»

незиевед и дипломат Ю.А.Шолмов, когда писал, что «в Бандунге впервые нашла свое реальное воплощение тенденция к созданию многополярного устройства будущего мира»⁵.

В этой ситуации руководство Советского Союза, предпринимая определенные шаги по нормализации и развитию собственных отношений со странами Запада, в то же время рассматривало Восток как отдельное поле геополитического соревнования двух систем и обоснованно усматривало здесь для себя существенные преимущества и перспективы, принимая во внимание, в частности, глубокое антиколониальное наследие в политической психологии народов Азии и Африки.

Президент Сукарно со своей стороны искренне пытался сохранить баланс в своих отношениях с обоими блоками. Свое «мега-турне» по зарубежным странам в 1956 г. он начинает с Соединенных Штатов, где настойчиво пы-

нера в собственных интересах. Для Сукарно стало ясно, что Кремль готов пойти достаточно далеко в сотрудничестве с Индонезией, включая и такую жгучую в тот период проблему, как возвращение Республике западной части острова Новая Гвинея, которая незаконно удерживалась Нидерландами после признания ими суверенитета бывшей Нидерландской Индии в 1949 г. Для индонезийского национального руководства ситуация с Западным Ирианом (так в Республике называли эту территорию) была еще и поводом поддерживать приоритет общенациональных интересов и целей на фоне нарастающих внутренних социальных и экономических проблем.

Для советского руководства открывалась возможность продемонстрировать преданность СССР делу антиимпериалистической борьбы в исключительно выгодных условиях: позиция Голландии была крайне непопулярна в странах Востока, и это

СССР военной техники и вооружений⁶.

Начавшееся таким образом военно-техническое сотрудничество между СССР и Индонезией сыграло особую роль в развитии отношений между двумя странами, причем эта роль была многоплановой. За счет советских поставок кардинальным образом были переоснащены индонезийские сухопутная армия, авиация и флот, причем полученные боевые средства в ряде случаев на 2-3 поколения (истребители, бомбардировщики, радарные системы, средства противовоздушной обороны и др.) превосходили вооружение, имевшееся в Индонезии к концу 1950-х гг. и состоявшее, главным образом, из образцов времен Второй мировой войны. Это потребовало переподготовки многих тысяч индонезийских военнослужащих, проводившейся силами советских военных специалистов как в учебных заведениях СССР, так и в самой Индонезии.

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

Кульминацией военно-технического и политического сотрудничества было согласие руководства СССР на участие советских военнослужащих в широкомасштабных военных действиях по освобождению Западного Ириана, которые Сукарно и его военачальники наметили на август 1962 г. Эти события описаны в ряде статей и других публикаций, из которых наиболее достоверными мне как их непосредственному участнику (автор этих строк был в 1962-1964 гг. офицером-переводчиком штаба группы советских военных специалистов в Индонезии) представляются уже цитировавшаяся работа Ю.А.Шолмова, в то время генерального консула в Сурабае, а также статьи вице-адмирала Г.К.Чернобая, возглавлявшего в тот период деятельность советских военных специалистов в Индонезии, и капитана 1-го ранга Е.К.Чубшева, в ту пору помощника военно-морского атташе СССР в Индонезии⁷.

Помню, как прибывший в июле 1962 г. в Джакарту заместитель министра обороны СССР Главный маршал авиации

К.А.Вершинин заявил нам, офицерам: «От имени Министра обороны приказываю вам в случае боевых операций действовать, как при защите границ СССР». Десятки кораблей и самолетов с советскими экипажами вышли на исходные позиции вместе с индонезийскими силами, но 15 августа, за несколько часов до часа «Ч», поступила команда «отбой».

«ДЕЙСТВОВАТЬ, КАК ПРИ ЗАЩИТЕ ГРАНИЦ СССР!»

Голландцы капитулировали, не оказав сопротивления.

В последние годы появилось несколько «алармистских» статей в СМИ, где советское руководство обвинялось в авантюризме, поставившем мир чуть ли не на грань мировой войны. Статья А.Жданкина, опубликованная в журнале «ВПК», так и была озаглавлена «Три часа до третьей мировой войны»⁸. Этот автор выступает с позиций, диктуемых то ли политической заикленностью, то ли недостаточной информированностью, то ли интересами дешевой сенсационности. (На суд читателей мы оставляем совершенно дикое утверждение автора статьи, будто советских моряков в Индонезии угощали человеческим мясом.)

Как мне позже пришлось убедиться, приказ о начале боевых действий был всерьез воспринят на уровне исполнителей. Политическое же руководство обеих стран исходило из того, что в одиночку голландцы на военное столкновение не пойдут, а НАТО, прежде всего новая администрация Дж.Кеннеди, сделавшая резкий разворот в сторону гибкого подхода к «третьему миру», не вяжется в конфликт. Кеннеди инициировал индонезийско-голландские переговоры при посредничестве американского дипломата Э.Банкера. В результате было достигнуто соглашение, что не позже 1 октября 1962 г. на Западном Ириане будет поднят индонезийский флаг. Военная операция была отменена.

И советские, и индонезийские лидеры получили то, чего добивались: Индонезия достигла своей декларированной национальной цели, восстановив территориальную целостность. Советский Со-

юз продемонстрировал свой политический и военный потенциал (однако надо признать, что индонезийская сторона замалчивала советскую помощь и формально она тогда ни одной из сторон не признавалась, хотя ни для кого не была тайной). Москва подтвердила свою солидарность с «третьим миром» и обрела существенный морально-политический потен-

циал в общественном сознании индонезийцев и, в частности, в индонезийских вооруженных силах. Одновременно Вашингтон оказался в положении союзника, на которого не всегда можно положиться.

«ЗАГОГУЛИНЫ» СУКАРНО

То обстоятельство, что ряд совместных советско-индонезийских экономических проектов, включая строительство суперфосфатного и сталелитейного заводов и ряда других, фактически не сдвинулся с места (не было достаточного финансирования с индонезийской стороны), вызывал в Москве тревогу, но изменить что-либо советская сторона была не в силах, поскольку в Индонезии на первом плане оставались политические проекты и кампании. Сукарно как-то заявил: «Премьер-министр одной иностранной державы однажды сказал мне: «Как может существовать ваша страна, не имея сильной промышленности?» Простите, но я скажу: как глуп этот премьер-министр! Он думает, что жизнь нации зависит от технического уровня страны, от ее промышленности. Нет, сэр! Жизнь нации зависит от свободолюбия этой нации, жизнь революции зависит от революционного сознания нации, совершающей революцию. Не от промышленности, не от заводов, самолетов или асфальтированных дорог»⁹. Есть основания предполагать, что неназванным собеседником был Н.С.Хрущев.

В отношениях между Советским Союзом и Индонезией уже с конца 1950-х гг. возникают расхождения в подходе к такому коренному вопросу, как мирное существование двух социальных

и политических систем, двух лагерей во главе с СССР и США. И дело было не в романтическом антиколониализме и антиимпериализме джакартских лидеров, всего лишь за 10 лет до этого вышедших из войны за независимость. Внешняя политика Сукарно в значительной мере строилась на игре противоречий между двумя гигантами (впрочем, Индонезия в этом смысле не была одинока), и индонезийское руководство не считало, что далеко идущее сближение отвечало бы собственным интересам этой страны.

Уже в 1963 г. пробным камнем для советско-индонезийских отношений стала новая проблема - планы создания у границ Индонезии Федерации Малайзии с включением в нее бывших британских колоний - Малайской Федерации, Сингапура, Саравака, Сабаха и Брунея.

У Сукарно были известные основания с настороженностью отнестись к этим планам, памятуя, что именно из Малайи получали помощь индонезийские сепаратисты в 1950-х гг. Но внутриполитические соображения побудили его искать в лице нового государства образ того врага, в борьбе против которого можно было бы сплотить нацию, представив создание Федерации как угрозу национальной безопасности и получив предлог для развертывания сначала политических, а затем и диверсионных акций Индонезии против нового государства. Далек идущей целью Сукарно было утверждение его страны как лидера и маяка борьбы освободившихся наций против неокolonизма и империализма. И с правовой, и с политической, и с военной, и с моральной точек зрения эта кампания была обречена на поражение.

Было очевидно, что в отличие

держат политику Джакарты столь же решительно, как это было годом раньше. Самую худую роль сыграло в этой ситуации маоистское руководство Китая, которое настойчиво декларировало свою далеко идущую поддержку антималайзийской кампании Сукарно и пыталось доказать, что КПСС «предала» идеалы антиимпериалистической борьбы.

В этих условиях в 1964 г. наступает период известного охлаждения советско-индонезийских отношений на фоне нарастания внутренних противоречий в самой Индонезии. Это охлажде-

в противостоянии империализму. Более того, в ряде выступлений Сукарно говорил, что по своему мировому значению индонезийская революция стоит выше, чем война за независимость в Америке и Октябрьская революция в России - эскапада, которая не могла не вызвать раздражение в Москве.

Отрицательную роль сыграл и тот факт, что многие акции Джакарты, находившие демонстративную поддержку в Пекине, справедливо или несправедливо рассматривались в Москве через призму советско-китайских про-

ние было вызвано не только разными подходами к малайзийской проблеме, но и в целом неготовностью Москвы пойти навстречу тем не всегда реалистичным, порой мессианским, внешнеполитическим концепциям и проектам, выдвигавшимся индонезийскими лидерами и прежде всего самим Сукарно.

Помимо всего прочего, в СССР были недовольны тем, что

Первый после декоративного «главы Советского государства» К.Е.Ворошилова визит президента РФ в Индонезию. В.В.Путин и президент Индонезии Юдхойоно. 2007 г.

творчений, что создавало дополнительные психологические и политические трудности. На все это в ту пору накладывались идеологические расхождения между КПСС и Компартией Индонезии, крупнейшей коммунистической партией несоциалистического мира, руководство которой в ряде важных вопросов держало сторону Компартии Китая.

БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ

Политический кризис, разразившийся в Индонезии осенью

СУКАРНО: ИНДОНЕЗИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ - ПРЕВЫШЕ ВСЕХ

от Западного Ириана, Запад не позволит Индонезии одержать победу. Международная поддержка Сукарно, в том числе и на Востоке, была минимальной. Руководство СССР, не осуждая публично эту кампанию, давало понять, что отнюдь не готово под-

в этих концепциях недооценивалась роль социалистического лагеря и, соответственно, Советского Союза в мировой политике и чрезмерно выпячивалось значение «третьего мира» (к тому времени уже далеко не единого в своей политической ориентации)

1965 г., завершился государственным переворотом, который привел к власти военно-авторитарный режим так называемого нового порядка, и сопровождался беспрецедентными по массовости и жестокости репрессиями против индонезийских коммунистов. Число погибших, по некоторым оценкам, достигло 2-х миллионов. Антикоммунизм стал существенной составной частью идеологии и политики «нового порядка». То обстоятельство, что в сложившихся условиях он был направлен по преимуществу против Китая, не снимало серьезнейших проблем и ответственности, возникших перед СССР как ведущей страной социалистического лагеря и КПСС, в которой большинство компартий мира видело своего лидера.

Проблема, вставшая перед советским руководством, фактически заключалась в том, чтобы найти способ сочетать достаточно далеко идущую солидарность с собратьями по идеологии (пусть даже отчасти «заблудшими») с усилиями по сохранению дипломатических и политических контактов с новым режимом в Индонезии, который, судя по всему, пришел к власти всерьез и надолго в этой стране, занимавшей тогда 5-е место в мире по численности населения и, вдобавок, задолжавшей Советскому Союзу почти \$1 млрд за военные и прочие поставки.

Что касается индонезийской стороны, то основная часть индонезийской элиты - военной и гражданской - при всех условиях не считала, что Индонезия призвана идти в кильватере того или иного государства или блока государств, в том числе и западных. Индонезия должна была обладать достаточной свободой маневра в отношениях с внешним миром. А для того, чтобы внешнеполитическая самостоятельность не оставалась простой декларацией, Джакарта нуждалась в сохранении хотя бы минимального уровня связей с СССР и его союзниками (что касается Китая, то связи с Пекином были «заморожены» в 1967 г.).

В Москве уже с конца 1965 г. была развернута широкая кампания солидарности с индонезийскими коммунистами в форме за-

явлений ЦК КПСС, общественных организаций, многочисленных публикаций в периодической печати¹⁰.

В целом отношения между двумя странами примерно до середины 1980-х гг. напоминали хождение по очень тонкой грани между объективной, а не надуманной необходимостью следования собственным идеологическим установкам, исполнением интернациональных обязательств (последнее относилось, в первую очередь, к СССР) и учетом стратегической перспективы, долгосрочных политических и геополитических интересов. Советскую позицию, перефразируя известное высказывание, можно было бы сформулировать так: «Режимы приходят и уходят, а индонезийский народ, индонезийское государство остаются».

В Индонезии понимание необходимости сохранять хотя бы видимую равновесность в политике было предметом серьезной внутривнутриполитической борьбы.

Вторжение Индонезии на Восточный Тимор в 1975 г. и аннексия этой территории вызвали официальное осуждение в СССР, как и в большинстве стран мира, но Джакарта восприняла эту позицию Москвы как естественную и была сильнее задета «предательством» Запада, поскольку эта акция состоялась с помощью американского оружия и фактического согласия госсекретаря США Г.Киссинджера¹¹.

Показательной была позиция Индонезии в связи с введением советских войск в Афганистан. Как представляется, официальное осуждение этой акции индонезийской стороной характеризовалось определенной внутренней сдержанностью. Она объяснялась, на наш взгляд, нежеланием активизации радикального ислама как внутри страны, так и за ее пределами, пусть даже на антисоветской, антикоммунистической основе.

По мере того, как экономическое развитие выводило Индонезию на уровень аграрно-индустриальной страны, индонезийское общество, включая и правящую военную и бюрократическую элиту, все в большей мере могло себе позволить претендовать на важную роль в мировых делах и, в ча-

стности, в Юго-Восточной Азии (ЮВА).

Ее положение в Ассоциации государств ЮВА (АСЕАН) *de facto* было доминирующим, хотя формально это никогда не признавалось. Национализм, окрашенный в отчетливо различимые великодержавные цвета, во все времена был альфой и омегой индонезийской внешней политики (другое дело, что на определенных этапах ситуация заставляла его вуалировать). Национальная гордость страдала, в частности, от контроля международных финансовых институтов и стран-кредиторов, от критики положения с правами человека, одновременно справедливой и фарисейской, поскольку часто исходила от стран, проявивших в свое время готовность простить и поддерживать любые зверства в Индонезии, чтобы покончить с реальной или мнимой левой угрозой.

СТАРАЯ «ЛЮБОВЬ» НЕ РЖАВЕЕТ

Период перестройки в Советском Союзе создавал определенные возможности для обеих сторон, чтобы внести дальнейшие коррективы в свою дипломатию. Когда новому советскому лидеру М.С.Горбачеву в 1987 г. понадобилась трибуна, чтобы обнародовать свою программу азиатской безопасности, было использовано интервью с издателем индонезийской газеты «Мердека» Б.М.Диакхом, одним из старейших и виднейших деятелей индонезийской национальной печати.

В 1989 г. произошло событие, которое еще 10 лет до этого показалось бы невероятным - президент Сухарто посетил Москву и провел переговоры с советским руководством. О настроениях в индонезийской политической элите в ту пору можно судить по воспоминаниям К.Н.Брутенца, который летом 1991 г., будучи советником президента СССР, участвовал в составе советской делегации в работе сессии АСЕАН в Джакарте. Он пишет, что индонезийские и малайзийские государственные деятели настойчиво жаловались советским представителям на американский диктат и выражали чрезвычайную заинтересованность в том, чтобы с Со-

ветским Союзом «ничего не случилось», говорили о неприемлемости для них гегемонии Вашингтона, противовесом которому может быть только Москва. Примечательно, что одним из собеседников был премьер-министр Малайзии Махатхир бин Мохамад, а другим - один из архитекторов экономического развития Индонезии Радиус Правиро, которого в СССР считали апологетом западной либеральной школы и ориентации Индонезии на Запад. Он был одним из тех, кто настаивал на приглашении советской делегации на сессию АСЕАН вопреки нажиму со стороны США¹².

Даже многие закоренелые антикоммунисты в Индонезии (и не только) восприняли распад Советского Союза как геополитическую катастрофу, которая, как казалось тогда, с неизбежностью вела к созданию однополярного мира¹³.

В условиях, складывавшихся в связи с ослаблением, а затем и распадом СССР, политика США по отношению к Индонезии становилась все более наступательной. По словам бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, американцы были непреклонны, требуя от Индонезии перейти к демократии, прекратить нарушения прав человека и начать войну с коррупцией. По словам Го Чок Тонга, преемника Ли Куан Ю на посту премьер-министра, встречавшегося с Сухарто в феврале 1998 г., последний верил, что Запад решил его свергнуть¹⁴.

В 1991 г. Вашингтон ввел эмбарго на поставки военной техники в эту страну в связи с действиями индонезийской армии против сторонников независимости Восточного Тимора, аннексированного, повторимся, Индонезией в 1975 г. с согласия госсекретаря Г.Киссинджера. Индонезии откровенно дали понять, что в ней видели прежде всего одну из фигур в холодной войне и она утратила свое значение с падением СССР.

Индонезия вслед за Малайзией нарушила почти полную монополию Запада в техническом оснащении национальных вооруженных сил. Еще правительство Сухарто в 1997 г. заключило соглашение о поставках российской

авиационной техники на общую сумму около \$1 млрд, включая 12 истребителей Су-30К и 8 вертолетов Ми-17¹⁵. (В связи с начавшимся в том же году финансово-экономическим кризисом выполнение этой договоренности пришлось на время отложить.)

Среди индонезийцев широко распространилось мнение, что Запад и, в первую очередь, США не хотят усиления политической роли и экономической самостоятельности их страны, и многие были склонны связывать именно с этим экономический, а затем и политический кризис, приведший к падению военно-авторитарного режима в мае 1998 г. Западных политиков и экономистов обвиняли в том, что они несут значительную долю вины за негативные процессы в экономике Индонезии. Как позднее сказал индонезийский министр по управлению государственными предприятиями Лаксамана Сукарди, «международные финансовые институты, такие как Всемирный банк и Азиатский банк развития, аналитики из инвестиционных банков и страховых компаний составляли хвалебные доклады о том, что делали Сухарто и его технократы, и о том, что Индонезия способна стать, по крайней мере, младшим среди тигров Восточной Азии, а международные аудиторы апробировали фальшивые финансовые отчеты... Они давали займы, поддерживали, одобряли и покрывали происходившее, чтобы получать дивиденды и упрочить свои позиции для получения новых, еще более выгодных контрактов или заказов на консультационные услуги»¹⁶.

Процесс глобализации изначально воспринимался индонезийской политической элитой как угроза внутреннему укладу и внешнеполитическим позициям страны. Это вызывалось, прежде всего, тем, что после 1991 г. глобализация органически связывается со становлением однополярной системы международных отношений. И, хотя возможности постсоветской России противостоять этим тенденциям были существенно слабее, чем у Советского Союза, тем не менее, именно в нашей стране Джакарта по мере усиления новой России ви-

дела и видит противовес возраставшему доминированию Вашингтона. Так, президент Индонезии А.Вахид на встрече с В.В.Путиным в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2000 г. поблагодарил главу российского государства за то, что он не склоняет голову перед США¹⁷.

Может возникнуть законный вопрос: почему в этой ситуации надежды возлагаются именно на Россию? Ведь Китай уже в конце 1990-х гг. обладал, по крайней мере, не меньшим потенциалом и способностью противостоять однопольярным тенденциям.

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, проливает свет на коренной фактор, лежащий в основе отношений между Россией и Индонезией. Коротко говоря, в этой стране нас не боятся. (Как говорят в таких случаях китайцы: «Дружи с дальним, враждуй с ближним».) Как бы далеко ни зашло сотрудничество между двумя государствами в политической, военно-технической или экономической областях, Россия по определению не имеет и не может обрести рычаги для великодержавного давления на Джакарту. В этом, с точки зрения национальных интересов Индонезии в представлении самих индонезийцев, наше преимущество перед КНР и отсюда же предпочтение, которое отдается России, в том числе и в тех случаях, когда Джакарта хочет оказать давление на Запад, показав, что западные страны, прежде всего США, не всегда обладают монополией на те или иные сферы сотрудничества.

Эта тактика в целом оказывается успешной. В 2008 г. администрация Дж.Буша отменила эмбарго практически на все области военно-технического сотрудничества с Индонезией. Формальным аргументом в пользу такого решения стали демократические преобразования, проведенные в Индонезии за последнее десятилетие. Но главная причина заключается в другом. Вашингтон стремится привлечь вооруженные силы этой страны с самым многочисленным мусульманским населением в мире к борьбе против международного терроризма. Индонезийское правительство, которое сталкивается с пробле-

мой терроризма у себя в стране, стремится по возможности дистанцироваться от ее интернационализации, опасаясь, что слишком далеко идущее сотрудничество с США в этой области вызовет отторжение в мусульманской общине страны.

Начиная с 2003 г. состоялись два визита президента Индонезии в Российскую Федерацию и ответный визит главы российского государства.

В ходе визита в Москву президента М.Сукарнопутри в апреле 2003 г. была подписана Декларация об основах дружеских и партнерских отношений между двумя странами в XXI в. В документе подтверждалось намерение способствовать становлению справедливого и стабильного мирового порядка, базирующегося на общей ответственности и признании главенствующей роли принципов многосторонности (п. 9), укреплять партнерство и сотрудничество в рамках ООН в целях повышения эффективности ее деятельности в новых мировых реалиях, усиления ее центральной роли в деле обеспечения мира и стабильности, безопасности государств (п. 10), взаимодействовать в справедливом распределении благ и издержек процесса глобализации (п. 14)¹⁸. Красной нитью через Декларацию проходит идея равноправия всех субъектов международной политики и неприятия формата однополярного мира, хотя сам этот термин и не употребляется.

В ходе встречи президента РФ В.В.Путина в Москве с президентом Индонезии С.Б.Юдойоно 1 декабря 2006 г. главы обоих государств подтвердили приверженность принципам этой Декларации как ценнейшего руководства для стратегического сотрудничества между Россией и Индонезией. Был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в правовой, военно-технической, космической, торгово-экономической областях¹⁹.

Визит президента РФ в Джакарту 6 сентября 2007 г. ознаменовался подписанием ряда документов, в которых отмечалось совпадение позиций двух стран по основным международным проблемам. Индонезии был предоставлен кредит в размере \$1

млрд на 15 лет для закупки в России военной техники, включая истребители Су и вертолеты различных модификаций, оборудование к имеющейся технике. (Характерно, что уже через 4 месяца, в феврале 2008 г. министр обороны США Р.Гейтс в ходе визита в Джакарту заявил о готовности США модернизировать имеющиеся в стране 4 истребителя Ф-16 и поставить еще 6 таких самолетов.)

В ходе визита В.В.Путина были подписаны также документы об экономическом сотрудничестве, в частности, в области разведки и добычи нефти («Лукойл» и индонезийская «Пертамина»), о постройке боксито-глиноземного комплекса («Русал» и «Анека Тамбанг»). Сообщалось, что российский бизнес намерен инвестировать в Индонезии около \$10 млрд²⁰.

Оценивая эти впечатляющие цифры, следует иметь в виду, что экономические договоренности были достигнуты до начала мирового кризиса и практически во всех случаях подлежат конкретизации и возможной корректировке. Российско-индонезийские отношения в целом останутся предметом активного и жесткого соперничества как со стороны третьих стран, так и различных группировок в самой Индонезии. На 2008 г. объем российских инвестиций в Индонезии составил около \$4 млрд, а объем двусторонней торговли в 2007 г., хотя и вырос по сравнению с предыдущим годом, но так и не достиг \$1 млрд²¹.

* * *

Внешняя политика Индонезии практически на всех ее этапах строилась в значительной мере на использовании геополитических противоречий между США и Советским Союзом/Россией (то обстоятельство, что эти противоречия на определенном этапе принимали идеологическую окраску, в принципе не меняет дела).

Мировой кризис, показавший, что Америка не всемогуща, приход в США новой администрации, вызвавший прилив определенной эйфории в Индонезии, как может показаться, создали в этом смысле в какой-то мере новую ситуацию.

В какой степени эти изменения будут устойчивы, покажет время, равно как и какое влияние эти изменения окажут на внешнюю политику Индонезии. Однако есть достаточные основания утверждать, что самосознание индонезийской нации и ее исторический опыт будут побуждать Индонезию сохранять курс на диверсификацию внешних связей. Какое место мы займем в этих связях, будет зависеть от самой России, укрепления ее экономического и политического потенциала.

¹ Ефимова Л.М. Сталин и Индонезия. Политика СССР в отношении Индонезии в 1945-1953 гг. Неизвестные страницы. М., МГИМО-Университет. 2004, с. 30.

² Там же, с. 147-151.

³ Цит. по: Hatta M. Dasar Politik Luar Negeri Republik Indonesia. Djakarta, 1953. P. 21.

⁴ Hatta M. Op. cit., p. 27.

⁵ Шолмов Ю.А. Россия - Индонезия. Годы сближения и тесного сотрудничества (1945-1965). М., ИВ РАН. 2009, с. 181.

⁶ Там же, с. 183.

⁷ Чернобай Г.К. Главный советник // Совершенно секретно, 1995, № 11; Чубшев Е.К. Наши в Западном Иране // Воин России, 1999, № 4.

⁸ Жданкин А. Три часа до третьей мировой войны. ВПК, 2008, № 46.

⁹ Harian Rakjat (Djakarta), 18.08.1964.

¹⁰ Эти документы впоследствии вошли в два сборника «В защиту борцов против реакции и империализма. К событиям в Индонезии», изданные Агентством печати «Новости» в 1967 и 1969 гг. на русском и некоторых иностранных языках.

¹¹ Isaakson Walter. Kissinger. A Biography. N.Y., L.e.a., Simon&Shuster. 1992, p. 680-681.

¹² Бруменц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., Международные отношения. 2005, с. 221.

¹³ Kompas (Djakarta), 13.03.1992.

¹⁴ Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из «третьего мира» в первый. М., 2005, с. 262.

¹⁵ Сегодня, 27.07.1997.

¹⁶ International Herald Tribune, 15.07.2002.

¹⁷ Независимая газета, 12.09.2000.

¹⁸ Информационный бюллетень МИД РФ от 22.04.2003.

¹⁹ Сообщение пресс-службы Президента России «О визите Президента Индонезии Суило Бамбанга Юдойоно в Россию».

²⁰ Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Выпуск XI. М., ИВ РАН, 2008. С. 110-111.

²¹ Бюллетень Посольства Республики Индонезия в РФ Tanah Air, November 2008.